

Ильин 1926 — *Ильин М. И.* Свадебные обычаи и обряды у вотяков // Труды научного общества по изучению Вотского края. Ижевск, 1926. Вып. 2. С. 25—69.

Миннихметова 2000 — *Миннихметова Т. Г.* Календарные обряды закамских удмуртов. Ижевск, 2000.

Нуриева, Попова 2002 — *Нуриева И. М., Попова Е. В.* *Арафа крезь* в бесермянской песенной традиции // Этномузыковедение Поволжья и Урала в ареальных исследованиях. Ижевск, 2002. С. 175—189.

Первухин 1888 — *Первухин Н. Г.* Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Идоложертвенный ритуал древних вотяков по его следам в рассказах стариков и в современных обрядах. Эскиз II. Вятка, 1888.

Попова 2004 — *Попова Е. В.* Календарные обряды бесермян. Ижевск, 2004.

Попова 2011 — *Попова Е. В.* Культурные памятники и сакральные объекты бесермян. Ижевск, 2011.

Плетнева 1999 — *Плетнева И. Н.* К семантике удмуртского *вожо* // Проблемы удмуртской и финно-угорской филологии. Межвуз. сб. науч. трудов. Ижевск, 1999. С. 245—249.

Сатрапинский 1854 — *Сатрапинский К. А.* Вотяки и бесермяне, проживающие в приходе и селе Укан Глазовского уезда // Архив Русского географического общества. Разряд 10. Оп. 1. 1854 г. Д. 48.

Штейнфельд 1894 — *Штейнфельд Н. П.* Бесермяне. Опыт этнографического исследования // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1895. Вятка, 1894. С. 220—259.

Шутова 2004 — *Шутова Н. И.* Святые места в окрестностях деревни Малый Дасос: К вопросу о типологии и семантике бесермянских культовых мест // Культурные памятники Камско-Вятского региона: Мат. и исслед. Ижевск, 2004. С. 154—166.

Сокращения

ЛА — личный архив автора.

НОА УИИЯЛ — Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН.

ТИЭ — Труды института этнографии.

Summary. The article presents the notions of the river and the spring in traditional worldview and ceremonies of the Besermyans. The natural streams are analysed in the context of world model, traditional and modern ceremonies, landscape representations.

Key words: river, spring, traditional worldview, world picture, cultural landscape, calendar ceremonies, Besermyans.

М. Н. ПИВОВАРОВА
(Самара)

ПРАЗДНОВАНИЕ НАВРУЗА В СООБЩЕСТВАХ МИГРАНТОВ ИЗ СРЕДНЕЙ АЗИИ В САМАРЕ

Аннотация. В статье на примере празднования Навруза рассматривается трансформация и функционирование праздничной культуры среднеазиатских трудовых мигрантов, проживающих в г. Самаре. Сопоставляются традиции празднования Навруза в странах — донорах миграции (Таджикистане, Узбекистане и Кыргызстане) и России. Автор также фокусирует внимание на нововведениях и деструкциях в традициях встречи Навруза.

Ключевые слова: трудовая миграция, праздничная культура, Навруз, национальная кухня.

В этнической и социальной культуре Вре праздник во многом представляет собой квинтэссенцию способов и форм совместной публичной реализации как духовных, так и материальных потребностей народа. По словам А. Э. Негмати, «природа наравне с происхождением, содержанием и значением того или иного торжества определяется, прежде всего, степенью использования вещественных и духовных результатов трудовой активности людей» [Негмати 1989, 13], зависимостью его от способа производства и совокупности социально-экономических отношений той или иной эпохи. Праздникам свойственно отражение бытовых традиций и мировоззрения людей, по сложившимся праздничным ритуалам можно отчасти проследить нормы морали и права, отдельные аспекты воспитания и эстетики, существующие у того или иного народа. Праздничная культура, даже в своем осовремененном урбанизированном виде, несет в себе отголоски народных традиций, которые, по мнению К. В. Чистова, представляют собой «механизм аккумуляции, трансмиссии

и актуализации человеческого опыта, т. е. культуры; традиция служит системой связей настоящего с прошлым» [Чистов 1986, 108]. Отметим также, что наиболее важным критерием жизнеспособности традиций, в том числе праздничных, подтверждающим их «право на существование» в рамках конкретного этноса, исследователями называется вариативность.

Среди функций праздничной культуры следует в первую очередь выделить ее стремление к социализации, приобщению к культурным достижениям, объединению этноса на фоне некоего коллективного или личного события. В народных праздниках элементы певческого искусства сочетаются с фрагментами театрализованных представлений, различные спортивные состязания и игры — с выступлениями музыкантов, сказителей и т. п. В праздничной культуре народа наиболее ярко проявляются отдельные элементы его обрядовых структур, их архаичные части, составляющие на практике основу культурной идентичности этноса. Рассмотрение исторического развития праздничной обрядности дает нам возможность увидеть существующие тенденции в культурной и социальной средах социума. Именно праздничная обрядность, язык и духовная культура становятся в эпоху распространения массовой внеэтнической профессиональной культуры тем базисом, что отражает самоидентификацию людей с тем или иным этносом.

В данной статье на примере празднования Навруза раскрывается вопрос о том, как традиционная праздничная культура таджиков, узбеков и киргизов изменяется и живет в условиях трудовой миграции населения Средней Азии в Россию. Исследование базируется на материалах 93 полевых интервью с мигрантами из Таджикистана, Кыргызстана и Узбекистана, проведенных в Самаре. Данный город был избран в качестве места опросов, поскольку Самара в период с 2000 по 2010 гг. является одним из городов РФ, наиболее привлекательных в экономическом плане для приезда внешних трудовых мигрантов. К примеру, по данным УФМС, Са-

марская обл. в 2012 г. стала лидером Поволжского федерального округа по оформлению мигрантами разрешений на работу и патентов. На сегодняшний день сложно говорить о существовании какой-либо региональной внутрироссийской специфики по качеству проявлений традиционной праздничной культуры мигрантов в Самаре и других городах; анализируя данные интервью, мы можем получить лишь общую картину существования культурной этнической мигрантской среды. Гендерное деление в данной выборке представляет собой соотношение 68 мужчин и 25 женщин; этническое: 40 респондентов идентифицировали себя с таджиками, 35 с узбеками, 18 — с киргизами. Следует оговориться, что самоидентификация респондентов в основном проходила по критерию страны отъезда и принималась более в качестве национальности, нежели этноса или отдельной этногруппы — так, к примеру, памирские таджики не идентифицируют себя отдельно от основного этнонима. Интересно также отметить, что некоторые респонденты, достаточно долгое время прожившие в России, начинают соотносить себя с этнонимом «россияне», или же вовсе стараются избежать какой-либо этнической привязки. «<Соб.: Кем бы вы называли себя по национальности? Таджиким, русским?> Зачем вообще себя относить к какой-то национальности? Главное, что я человек, и раз уж 10 лет живу в России, то, получается, россиянин» (Зап. от Артура Каримова, 1985 г. р. (урожд. г. Ленинабад/Худжанд), г. Самара. 2012 г.)¹. Как справедливо отмечает по этому поводу Ж. С. Калустьянц, современные диаспоры утрачивают обязательную ссылку на какую-то определенную локальность, зависящую от страны исхода. На уровне самосознания и поведения они обретают референтную связь с определенными культурными системами и политическими силами, в результате чего обязательность причисления себя к «исторической родине» уходит на второй

¹ Здесь и далее цитируются полевые записи автора статьи, хранящиеся в ее личном архиве.

план [Калустьянц 2007, 3]. В качестве мест массовой занятости мигрантов — и, соответственно, мест проведения интервью — фигурируют рынки, стройки, ангары, овощные базы, автосервисы и тому подобное городские территории, не предполагающие по форме и структуре работы наличия высококвалифицированного труда.

Духовная культура в целом и праздники как неотъемлемая ее часть, несмотря на свою способность к самосохранению и достаточную стабильность в этическом и эстетическом планах, в условиях социально-экономических реалий миграции оказываются достаточно сильно подвержены трансформации и даже регрессии. В первую очередь это проявляется в сокращении или частичном купировании ритуализированной части празднества, которое в экстремальных условиях миграции нередко сводится к простому застолью, приуроченному к той или иной дате. Рассматривая оставшийся набор фрагментов этнокультурной идентичности, выделим из него наиболее необходимые для комфортного существования праздники — те, без которых собственная этническая принадлежность начинает казаться респондентам неполной: *«Мы же должны что-то свое оставлять, ну, культуру какую-то, праздники. <...> Иначе совсем запутаемся, тут же — кто таджик, кто русский»* (Зап. от Алишера Расулова, 1970 г. р. (урож. г. Ленинабад/Худжанд), г. Самара. 2011 г.). В качестве таковых, по словам опрошенных, чаще всего выступали Навруз, Курбан-байрам и Ураза-байрам. В данной статье остановимся подробнее на праздновании Навруза.

Навруз как один из наиболее широко распространенных праздников в мире представляет собой одновременно первый день нового года и день весеннего равноденствия. Одно из первых упоминаний о Наврузе относится к текстам «Авесты», из чего мы можем заключить, что традиции празднования этой даты сохраняются в варьируемом виде на протяжении уже нескольких тысячелетий. В качестве официально-го зороастрийского торжества Навруз

впервые стал отмечаться в Ахеменидской империи, однако традиция его празднования не исчезла и после исламских завоеваний, продолжаясь до настоящего времени. Он знаменует собой также и начало сельскохозяйственных работ, приходясь на первый день месяца арвардина по древнеиранскому солнечному календарю, т. е. 21—22, иногда 23 марта по календарю григорианскому. О тесной связи Навруза с началом земледельческого года как определенного рубежа, на котором складываются основы будущего урожая, свидетельствует характер многочисленных праздничных обрядов и ритуалов. В зависимости от климатических условий и нестабильности календаря в разных районах и областях Средней Азии его отмечали в разное время, а после распространения на данных территориях ислама различной стала и продолжительность праздника. Некоторые исследователи, к примеру, А. Э. Негмати, на основе исторических источников и этнолого-археологических материалов делают вывод о «нерелигиозном происхождении Навруза» [Негмати 1989, 53]. Название праздника происходит от сочетания слов на фарси «нав/нов» — новый и «руз» — день; в пределах среднеазиатских языков имеется также стабильная вариация корня слова; так, в таджикском языке — *Наврӯз*, в узбекском — *Наврӯз*, в киргизском — *Нооруз*.

В ряде стран встреча Навруза приравнивается к государственным торжествам и носит статус выходного дня — как правило, 21 и/или 22 марта, однако историческая традиция предписывает отмечать его в течение целой недели. Несмотря на свою изначальную принадлежность к зороастризму, сегодня Навруз отмечается и в мусульманских государствах, считаясь неким внерелигиозным событием, имеющим равноправное значение с новым астрономическим годом. На уровне государственного праздника Навруз существует в Казахстане, Таджикистане, Узбекистане, Азербайджане, Туркменистане, Киргизии, Иране, Албании, Афганистане, Грузии, Индии, Турции, Македонии, Курдистане. Праздник давно стал неотъемлемой

частью культуры многих народов, в том числе в Самарской обл., как и по всей России, его традиционно отмечают татары, казахи, киргизы, таджики, узбеки, туркмены, азербайджанцы и др. В сентябре 2009 г. Навруз был включен в репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО, а в конце февраля 2010 г. 64-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН объявила 21 марта Международным днем Навруза.

Находящиеся в России среднеазиатские трудовые мигранты, непосредственно не связанные с работой национально-культурных центров и подобных культурных организаций, в первую очередь перестают отмечать и даже забывают время празднования так называемых официальных дат своей страны — дней независимости, государственности и т. д., тогда как торжества, носящие религиозный характер, оказываются более жизнеспособными. Однако празднование Навруза является наиболее популярным в силу времени своего наступления — в конце марта, т. е. фактически во время начала массовой «сезонной» миграции. Помимо этого, отметим, что Навруз на сегодняшний день не несет столь явной религиозной окраски, в отличие от Ураза и Курбан-байрам, требования к празднованию которых намного строже регламентируются канонами ислама.

Интересен аспект внутреннего восприятия мигрантами значения и культурных характеристик Навруза. Большинство опрошенных признают древние, доисламские корни праздника, однако относят его скорее к религиозным, нежели к государственным торжествам. Заметим, что наиболее часто встречающееся именование мигрантами Навруза — *«исламский новый год»* (Зап. от Зульфий Ахмедовой, 1980 г. р. (урож. г. Андижан), г. Самара. 2011 г.). Среди других характеристик превалировали *«день наступления весны»*, *«день равноденствия»* (Зап. от Анзура Мухамедова, 1986 г. р. (урож. г. Душанбе), г. Самара. 2012 г.). Впрочем, следует упомянуть, что, несмотря на празднование Навруза, летосчисление опрошен-

ные мигранты всегда ведут по стандартной европейской схеме.

В данной статье мы не станем подробно останавливаться на истории празднования Навруза — обратимся к его сегодняшнему функционированию в мигрантской среде. Несмотря на то что в странах Средней Азии Навруз отмечается весьма широко, с проведением ряда массовых мероприятий, включающих, к примеру, конные скачки, козлодрание (*бузкаши*), национальную борьбу и др., и продолжается от 2—3 дней до недели, в России подобные гуляния имеют намного более локализованный характер — как правило, в рамках национально-культурных центров.

Встреча Навруза в мигрантской среде Самары имеет двойственную природу. Празднование Навруза трудовыми мигрантами из Средней Азии можно условно разделить на две большие параллели: объединенное под эгидой «Дома Дружбы Народов» общегородское празднество, четко приуроченное к 22 марта, и локальные семейно-дружеские встречи этого праздника, что особенно характерно для мигрантской среды. Интересно, что в последнем случае дата непосредственного празднования может несколько смещаться, подстраиваясь под выходной день. Одной из существующих тенденций на сегодня является стремление к слиянию общегородского и «внутридиаспорального» празднования, что, впрочем, не отменяет его внутрисемейной части. Полный цикл празднования, как правило, опускается, всё торжество занимает 1—2 дня.

В зависимости от климата, в разных областях Средней Азии весной, с появлением первых цветов, начиналось традиционное предновогоднее шествие, так называемое *Гулгардони* («ношение цветов») — первый признак приближающегося Навруза. С незначительными различиями шествие проводилось повсюду. Как отмечает А. Э. Негмати, в зависимости от количества желающих принять в нем участие, люди делились на отдельные группы по 10—15 и более человек

[Негмати 1989, 76]. Участники приготавливали специальную жердь длиной около полутора метров, на конце которой переплетали букет весенних цветов — подснежников, ирисов, тюльпанов и т. д. Обычно жердь с букетом несли впереди, у каждого участника в руках были цветы. Процессия останавливалась перед каждым домом и пела песни, посвященные празднику, иногда с аккомпанементом на бубне или дутаре. Хозяйева дома после песнопения брали цветы, целовали их, поводили цветком по бровям и глазам, произнося разные по содержанию пожелания. После этого дарились подарки — сушеные фрукты, миндаль, кишмиш, гранат, орехи, пшеница, мука, горох, чечевица, рис. Следующим праздником, непосредственно входящим в комплекс мероприятий, посвященных Наврузу, является *Чахаршамбе-Сури/Чоршонбе-Сури* («огненная среда»). Празднование начинается с вечера вторника, как только зайдет солнце, на площадях зажигаются костры, через которые прыгают дети и взрослые; поются песни с просьбой к огню об очищении. В этот день также готовят *аджил* — смесь ягод и орехов; им одаривают ряженных, поздравляющих с праздником. Заканчивается *Чахаршамбе-Сури* фейерверками и семейным застольем.

В ситуации трудовой миграции проведение *Гулгардони* и *Чахаршамбе-Сури* считается практически невозможным в силу ряда социальных, экономических и культурных ограничений принимающей страны. Однако воспоминание об этом шествии и последующих праздничных гуляниях часто составляют весьма значительную часть рассказов о проведении и подготовке Навруза у старшего (40-50 лет) поколения мигрантов из сел и небольших городов. Приезжие из крупных населенных пунктов чаще всего отзываются о *Гулгардони* и *Чахаршамбе-Сури* как о части массовых гуляний, носящей скорее официальный, «парадный» характер.

Одним из устойчивых ритуалов подготовки к празднику является уборка жилища и прилегающих территорий. В результате нее должно очиститься все, что есть в доме, от ковров до мебе-

ли и утвари; считается, что предпраздничная уборка получает символическое значение обновления земли перед наступающей весной. М. С. Андреев отмечает, что накануне Навруза жилища тщательно подметаются, причем очищаются не только полы, но и стены, даже прилегающие к дому дорожки и площадки [Андреев 1970, 158]. В ходе этой глобальной уборки белили дом либо подновляли побелку, подготавливали новую одежду. В канун праздника тщательно мылись, женщины и молодые девушки красили брови и ресницы, празднично наряжались.

На уборку как обязательный элемент подготовки к празднику указывают также многие из опрошенных мигрантов. Как правило, уборкой квартиры, вне зависимости от количества проживающих в ней человек, занимаются только женщины в свободное от работы время или же в ближайший перед наступлением Навруза выходной. К празднику стараются достать — привезти из дома или купить на месте — какой-либо предмет, напоминающий о родной культуре, — как правило, это что-то либо из сувенирной продукции: панно, открытки и т. п., либо из национальной кухонной утвари. Происходит чистка ковров и мебели. Если же квартира снимается только мужчинами, то уборка носит менее тщательный характер, однако также производится. Интересно, что данный этап подготовки к празднику не утрачивается даже в случае проживания мигрантов во временном жилье на стройках — по словам опрошенных, убираются даже в вагончиках-«временках». Отметим также, что, поскольку Навруз приходится на самое начало «трудового сезона» в России, для новоприбывших или вернувшихся из поездки на родину мигрантов предпраздничная уборка зачастую носит и утилитарный характер, так как связана с въездом в новое жилье.

Крайне нежелательным считается вхождение в новый год с долгами или в ссоре с кем-то, это правило не теряет своей актуальности и в ситуации трудовой миграции. Если на родине, как отмечает Е. Л. Исаева, перед Наврузом узбеки должны выполнить три обяза-

тельных условия: посадить деревья и цветы, настроить себя на радость и добрые дела и с этого дня стремиться жить честно и достойно [Исаева 2009, 60], то в ситуации трудовой миграции, при невозможности исполнения первого пункта, второй и третий обладают повышенной актуальностью. В подтверждение этому приведем слова респондентов: «*Каждый раз перед Наврузом, как перед Новым годом, себя настраиваешь — всё, дальше другая жизнь будет, как с чистого листа, новая. До праздника стараешься дела закончить, чтобы и деньги были, стол накрыть, и долгов не было*» (Зап. от Замиры Аббасовой, 1983 г. р. (урож. г. Андижан), г. Самара. 2011 г.).

Следует заметить, что Навруз, как один из немногих традиционных праздников, отмечаемых и в миграции, представляет собой повод надеть традиционную одежду, играющую роль праздничного костюма: ее достают и носят только на семейные торжества и большие праздники. Покупка новой одежды также достаточно часто приурочивается к празднованию Навруза, более того, одежда (чаще, однако, не национальная, а унифицированная городская) становится желанным подарком. «*На прошлый Навруз ездила домой, в Истаравшан, возила подарки — свекрови, сестрам, родственникам мужа, почти всем что-то из одежды, обычной такой, здесь купила на рынке*» (Зап. от Шахнозы Набиевой, 1974 г. р. (урож. г. Истаравшан), г. Самара. 2011 г.). Дарение элементов традиционной одежды носит скорее статусный, нежели утилитарный, характер, подчеркивающий финансовое благополучие дарителя. Мужчины-узбеки надевают *чапан* (традиционный, как правило, стеганный халат), подпоясываемый платком, тибетейку; женщины — свободные шелковые или атласные платья (сегодня часто встречаются и платья из синтетических тканей) и шаровары. По сведениям З. Хакимова, таджики, как горные, так и равнинные, часто привозят с собой хлопчатобумажную рубаху *курт*, шаровары, халат и тибетейку, женщины — туникообразную рубаху и распашной халат, сделанный из цветной материи с вышивкой [Хакимов 1986, 88]. В подтверждение этому

приведем слова респондентки Саиды Якубовой: «*Собираемся в квартире, все женщины, подружки, родственницы, соседок зовем, надеваем красивую одежду, особенно если есть что-то привезенное*» (Зап. от Саиды Якубовой, 1976 г. р. (урож. г. Акташ), г. Самара. 2011 г.). Отметим также, что на общегородское празднование Навруза женщины также приходили в национальной одежде, мужчины, впрочем, в данном случае предпочли парадную или просто чистую одежду «городского» (европейского) стиля.

В основном национальный костюм привозится из страны исхода не целиком, а отдельными элементами, и надевается непосредственно на празднование. Одним из требований, соблюдение которого также не теряет своей актуальности, является чистота тела перед праздником. Девушки и женщины перед приходом гостей тщательно наряжаются, пользуются косметикой. Интересно замечание одной из респонденток о том, что: «*Чем девушка ярче красится и чем короче юбка — тем меньше она в России прожила*» (Зап. от Надиры Ахмедовой, 1990 г. р. (урож. г. Ташкента), г. Самара. 2010 г.). Отметим, что выходить на улицу или тем более куда-то ехать по городу в национальном костюме считается нежелательным, для выходов «за пределы» праздника готовится новая одежда европейского покроя.

Мужчины также стараются надеть что-либо из национального костюма — либо традиционный *чапан*, либо хотя бы тибетейку. Интересным представляется тот факт, что любая, даже наиболее простая традиционная одежда, не считавшаяся праздничной в стране проживания, в ситуации миграции приобретает характер праздничной даже без добавления каких-либо элементов украшений. Подобное упрощение костюма, возможно, его редукционирование, происходит, тем не менее, с сохранением и даже ростом его этнокультурного и этнопсихологического значения; детали традиционной одежды, так же как отдельные элементы декора, привезенные с родины, приобретают не только утилитарный, но и сакральный характер. Впрочем, данный аспект характе-

рен не для всех мигрантов: приезжие из крупных городов, особенно имеющие достаточно высокий социальный статус и относящиеся к возрастной группе от 20 до 30 лет, не считают наличие традиционной одежды обязательным даже на праздновании Навруза, относя этнический костюм к реликтам, проявляющим себя главным образом на похоронах или свадьбах. Приведем слова одного из опрошенных: «Если бы ко мне дома, в Ташкенте, постучался сосед в тюбетейке на голове, я бы сразу решил, что меня на похороны звать пришли, просто так сейчас никто такое не оденет» (Зап. от Рустама Таджиева, 1984 г. р. (урож. г. Ташкента), г. Самара. 2011 г.).

Праздничный стол включает в себя не только непосредственно пищу, преимущественно растительную, но и соответствующие Наврузу предметы декора. Традиционным ритуалом Навруза является составление *хафт сина* и/или *хафт шина* — композиции на красной скатерти или достархане из 7 элементов, названия которых начинаются с буквы «с» или «ш» («син» и «шин» — название букв «с» и «ш» в персидском алфавите, «хафт» — число 7). В качестве одного из элементов *хафт сина* используют пророщенные ростки пшеницы — *сабзе*, перевязанные красной лентой.

В период трудовой миграции, особенно временной, ритуалу составления *хафт сина* и/или *хафт шина* не уделяется особого внимания — соблюдение его считается желательным, но отнюдь не обязательным, отчасти по причине довольно низкого экономического положения мигрантов, отчасти — потому что данный комплекс блюд носит в представлении некоторых респондентов устаревший и нефункциональный характер: «Надо много готовиться, покупать, а зачем? <...> Только деньги и время тратить» (Зап. от Раисы Умаровой, 1976 г. р. (урож. г. Ферганы), г. Самара. 2011 г.). Тем не менее, если встреча Навруза предполагается где-то в заранее определенном месте, хозяева квартиры или дома стараются обязательно украсить его с помощью приготовления *сабзе*, который продолжает являться своеобразным символом наступающего

Навруза, по меткому сравнению одной из респонденток: «Это как елка на Новый год» (Зап. от Алии Мусахановой, 1987 г. р. (урож. г. Ташкента), г. Самара. 2012 г.).

Обязательным элементом празднования Навруза является приготовление *сумалака/суманака/сумелека* — блюда из пророщенных ростков пшеницы, «солодовой халвы». Сумалак готовится приблизительно за срок от 3 до 7 дней до праздника в неглубокой посуде, в которой замачиваются и проращиваются зерна пшеницы (считается, что чем выше поднимутся ростки, тем богаче будет урожай в наступающем году). Затем проросшие зерна толкут в ступе, кладут в казан, заливают водой, добавляют муку и варят 10-12 часов, постоянно помешивая. Приготовление *сумалака* необходимо завершить до восхода солнца в основной день празднования. Отметим также, что в его готовке участвуют только женщины и дети. Во время финальной стадии — варки — поются праздничные песни, читаются стихи, загадываются желания; интересно, что в данном случае возможно проследить более позднее влияние ислама: перед приготовлением блюда (по сообщению информантов, иногда также в процессе) читается сура из Корана. *Сумалак* раздается всем гостям дома, соседям, друзьям, родственникам. Сохраняется поверье, что, прежде чем пробовать поданный *сумалак*, нужно загадывать 1—3 желания, которые должны исполниться в течение года.

Несмотря на высокую статусную роль *сумалака* и желаемость присутствия этого блюда на праздничном столе, в силу сложности и трудоемкости кушанья готовить его решаются отнюдь не все мигранты; более того, его приготовление может считаться скорее единичным событием, говорящим о достаточно высоком экономическом статусе празднующих. Приготовление *сумалака* проводится, как правило, только семейными группами (женой и ее родственницами или подругами) при желании подчеркнуть свою «ортодоксальную этничность» или девушками-мигрантками из сел и небольших городов, снимающими вместе одну жилплощадь.

У мигрантов из сел и кишлаков это блюдо и воспоминания о нем служат своеобразным «маятником ностальгии», напоминанием об оставленном доме и праздновании Навруза в стране исхода. Мигранты из среднеазиатских столиц и крупных городов не столь трепетно относятся к этому блюду, считая его одной из необязательных традиций Навруза.

Киргизская традиция, по которой в ночь перед Наврузом все емкости в доме необходимо было наполнить молоком, айраном, водой или зерном в знак пожелания обилия этих продуктов, на сегодняшний день фактически не функционирует в мигрантской среде.

Праздничный стол как неотъемлемую часть праздника Навруза в основном стараются сделать в традиционном стиле, особенно если гости заранее собираются отмечать его вместе в чьей-либо квартире. Однако, помимо традиционных таджикских или узбекских блюд, присутствуют и кушанья русской, татарской кухни. В случае же застолья на рабочем месте или же в чисто мужском коллективе наличие традиционных блюд сокращается до минимума, причем растительный характер пищи также перестает носить обязательность. Несмотря на свое исконное отсутствие в меню Навруза, плов особо отмечался многими мигрантами — таджиками и узбеками — среди праздничных блюд. Приготовить плов стараются, соблюдая все каноны; нередко ингредиенты для него покупаются вкладчину всеми участниками торжества. В последнее время обязательным стало присутствие на столе алкоголя.

Присутствие женщин за одним столом с мужчинами четко регламентируется. Празднование чаще всего проходит либо сразу же в разных домах, либо — в случае семейных пар — жена, стараясь успеть до прихода гостей, накрывает на стол, а потом уходит праздновать с подругами, оставляя мужа с его друзьями. Смешанные компании встречаются только в молодежной среде, что особенно актуально в случае, если трудовая миграция пересекается с учебной деятельностью в одном из видов города.

Игра на национальных инструментах — *дутаре, рубобе, дайре* всегда становится желанным событием праздника; однако помимо нее (или, что гораздо чаще, — вместо нее) включаются записи традиционной и современной популярной музыки, притом последняя может носить интернациональный характер.

В дни Навруза празднующие ходят друг к другу в гости, посещают родственников, близких, знакомых, делают подарки, поздравляют друг друга с новым годом, желают благополучия. Разумеется, в течение Навруза также желательно поздравить не только находящихся рядом, но и родственников, оставленных за рубежом, — им стараются позвонить (по телефону или используя средства Интернет-коммуникации, такие как Skype), написать, или, если позволяют возможности, нанести визит.

По словам В. Мукомеля, «национальная политика зиждется на 4 основах: законодательной базе, институтах, механизмах ее реализации и финансовых ресурсах» [Мукомель, 2003, 15]. Одним из ее институтов являются некоммерческие культурные организации, представляющие интересы этнических меньшинств региона в плане социальной и культурной адаптации. Однако необходимо отметить, что большинство трудовых мигрантов по тем или иным причинам бывают не осведомлены об их существовании. Степень информированности о деятельности практически одинакова во всех возрастных группах, однако участниками мероприятий чаще становятся молодые (18—29 лет) и зрелые (40—54 года) люди [Мухаметшина 2005, 32].

В Самарской обл. официальное массовое празднование Навруза проводят уже более 20 лет, однако особенностью празднования в этом году стало то, что в качестве организаторов выступили национально-культурные объединения татар, казахов, таджиков, узбеков, туркмен и киргизов при поддержке аппарата Правительства Самарской обл., администрации городского округа Самара и активного участия ГКУ СО «Дом дружбы народов». 22 марта в комплексе МТЛ «Арена» состоялось областное

межнациональное празднование Навруза, причем состояло оно из двух частей: экспозиции в фойе и непосредственной концертной программы вечера. В холле гости праздника могли ознакомиться с выставкой, рассказывающей о народах, населяющих Самарскую обл., и деятельности ГКУ СО «Дом дружбы народов», а также принять участие в викторине, посвященной национальным традициям и обычаям. В зале экспозиционную зону продолжали так называемые «национальные дома» — площадки, на которых национально-культурные центры представили экспозиции, посвященные Наврузу. В основном, помимо атрибутики празднования, была широко представлена этническая кухня того или иного народа; в центре каждого стола находилось традиционное украшение — зеленые ростки пророщенной пшеницы, обвязанные красной лентой и пиала со свечей. Среди обязательных угощений на каждом столе присутствовал *сумалак*. На сцене были воссозданы игры и гадания, обряд «Испанд» (церемония омовения и окуривания жилища), традиционный обмен дарами, ритуальное возжигание костра.

Непосредственно праздничное действие начиналось с аналога *Гулгардони* — выхода всех участников церемонии с цветущими ветками в руках. Затем, после официальных приветствий, ведущий рассказывал о традициях празднования Навруза, что иллюстрировалось небольшими сценками в исполнении активистов национально-культурных центров. В качестве наиболее ярких моментов праздника были показаны совместный сбор хвороста для праздничного костра, обычай тайком оставлять пустую шапку для гостинцев, собирание монет в кувшины с водой, а также символический обмен дарами между «национальными домами». В качестве кульминации праздника был представлен красочный выход символа весны — красавицы Бахар. Вторая часть праздника представляла собой концертную программу, участие в которой приняли представители каждого национально-культурного центра. Программа каждого из объединений включала также показательные выступления по национальной борьбе. Общее

количество участников и гостей праздника составило около 2 тысяч человек.

В данном контексте согласимся с мнением В. Попкова о том, что диаспорные общины преследуют как минимум две основные задачи: приспособление к условиям новой культуры и создание успешно функционирующих сетей связей как внутри, так и вне общины [Попков 2003, 60]. Объединение национально-культурных центров, в основе которых лежат «официально» заявленные этнические общины, по сути, имело своей целью не только проведение массового праздника, пусть и объединяющего во многом схожие традиции отмечаемого Навруза, но и введение мигрантов в полиэтничную городскую среду.

Традиционная праздничная культура в том объеме, в котором она существует на своей исторической родине, едва ли может функционировать в экстремальной среде существования трудовых (особенно временных) мигрантов. Трансформация национальной культуры в плотном полиэтничном социуме современного города приводит как к ее упрощению и стандартизации, так и к ее насыщению, благодаря взаимодействию с принимающей культурой, новыми формами и содержанием — к примеру, вхождению новых рецептов в национальную кухню и смешению функциональности традиционной одежды. Одновременное существование двух мигрантских культур — «официальной», насыщенной представительскими функциями, и собственно мигрантской, маргинализованной, приводит к становлению четких этнических границ между принимающим обществом, к которому зачастую относят и саму организованную диаспору, и специфическим социумом трудовых мигрантов, концентрирующимся на своих внутренних проблемах. Празднование Навруза в данном случае является редкой возможностью объединения этих двух «культурных миров», предоставляя последнему право вспомнить о традиционной культуре на общегражданском уровне, а первому — обратить внимание на существование мигрантов за рамками диаспоральных и национально-культурных организаций.

Литература

Андреев 1970 — Андреев М. С. По этнографии Ягноба (записи 1927—1928). Душанбе, 1970.

Баялиева 1972 — Баялиева Д. Т. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе, 1972.

Белоусов 1974 — Белоусов Я. Праздники старые и новые (некоторые философские аспекты проблемы празднования). Алма-Ата, 1974.

Исаева 2009 — Исаева Е. Л. Средняя Азия. М., 2009.

Калустьянц 2007 — Калустьянц Ж. С. Диаспора в социальной динамике современности. Владикавказ, 2007.

Мукомель 2003 — Национальные меньшинства в контексте национальной политики в регионах Юга России / публикация В. Мукомеля // Этнос и Культура. 2003. № 2. С. 14—20.

Мухаметшина 2005 — Проблемы межэтнических коммуникаций в контексте миграционных процессов / публикация Н. Мухаметшиной // Этнос и культура. 2005. № 2. С. 28—35.

Мухиддинов 1989 — Мухиддинов И. Реликты доисламских обычаев и обрядов у земледельцев Западного Памира (XIX — начало XX в.). Душанбе, 1989.

Негмати 1989 — Негмати А. Э. Земледельческие календарные праздники древних таджиков и их предков. Душанбе, 1989.

Попков 2003 — Попков В. Д. Диаспорная община как форма адаптации мигрантов // Психологическая помощь мигрантам в России: исследования и практика / под ред. Г. У. Солдаговой, В. К. Калининко. М., 2003. С. 60—68.

Хакимов, Мижирицкий 1986 — Хакимов З., Мижирицкий В. Культура Узбекистана: традиции и современность. Ташкент, 1986.

Чистов 1986 — Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории. Л., 1986.

Summary. The article shows Noruz celebrating as transformation and functioning of festive culture of Middle Asia migrant communities in Samara example. The article gives comparative data about the norms of Noruz celebrations in out-migration donor-countries (Tajikistan, Uzbekistan and Kyrgyzstan) and Russia. The author also focuses on innovations and destructions in the traditions of Noruz celebrations.

Key words: labour migration, festive culture, Noruz, ethnic cuisine.

Л. А. АГАДЖАНЫН
(Самара)

ПОХОРОННО- ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ САМАРСКИХ АРМЯН

Аннотация. В статье рассмотрены похоронно-поминальные традиции двух локальных этнических групп армянского этноса, проживающих в Самаре, — армян — выходцев из Армении и бакинских армян. Описываются архаические черты культуры армян как на территории Армении, так и в Самаре, автор уделяет внимание нововведениям в похоронно-поминальных традициях самарского армянского этноса.

Ключевые слова: самарская армянская община, погребальные традиции, похороны, траур, поминальная трапеза, тертер (священник).

Похоронно-поминальные обряды являются неотъемлемой частью культуры любого народа, в них раскрываются существенные и специфичные черты этноса. Погребальные и поминальные традиции очень многообразны, так как каждый народ совершает эти обряды в соответствии со своими религиозными верованиями, бытовым укладом и т. д. Существует определенный набор элементов традиционной обрядности, которые помнят и чтят все армяне, независимо от того, в какой стране они проживают. Но, несмотря на устойчивость многих элементов, сохраняющихся с глубокой древности и связанных с архаическими воззрениями и ритуальными действиями, и в этой сфере традиционной культуры постепенно происходят определенные изменения [Тер-Саркисянц 1998, 195]. В данной статье будут рассмотрены похоронно-поминальные традиции армян — выходцев из Армении и бакинских армян, проживающих на территории городского округа Самара, обладающих в силу исторических причин различиями в этнической культуре. Выявление этнокультурной специфики на примере похоронно-поминальной обрядности